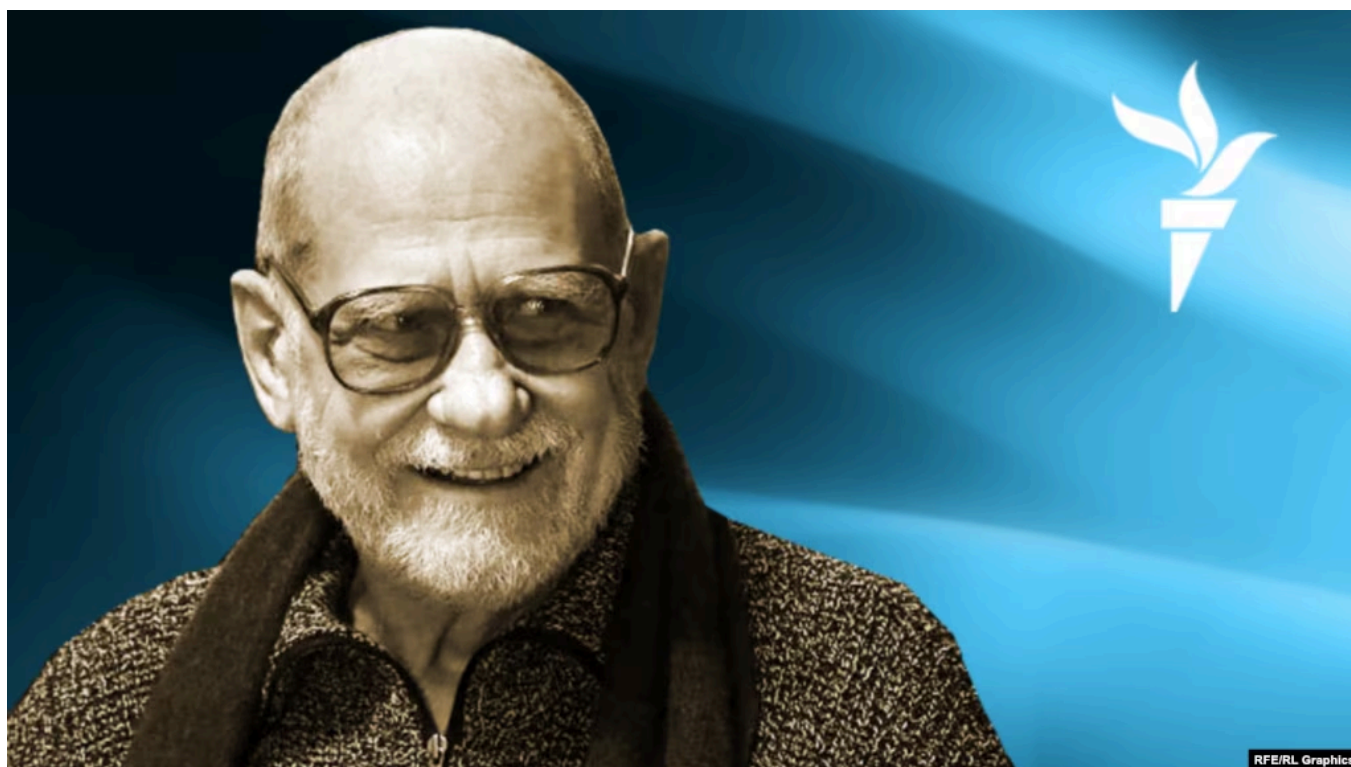

ПРАВО АВТОРА

Были времена. Анатолий Стреляный – о соседской жизни под дронами

Анатолий Стреляный

менее минуты назад

Каждый день мы, не сговариваясь, встречаемся на скамейке у подъезда. Это я и мои ближайшие соседки Марина и Катерина. На моё недоумение, зачем выбираться на воздух ради каждой затяжки, всякий раз слышу, что на idiotские вопросы они не отвечают. Вчера не успел я войти во вкус утреннего разговора, как они, покурив, встали и молча удалились. После обидчивых размышлений я решил, что они пожелали начать день без третьего лишнего: выпить или опохмелиться.

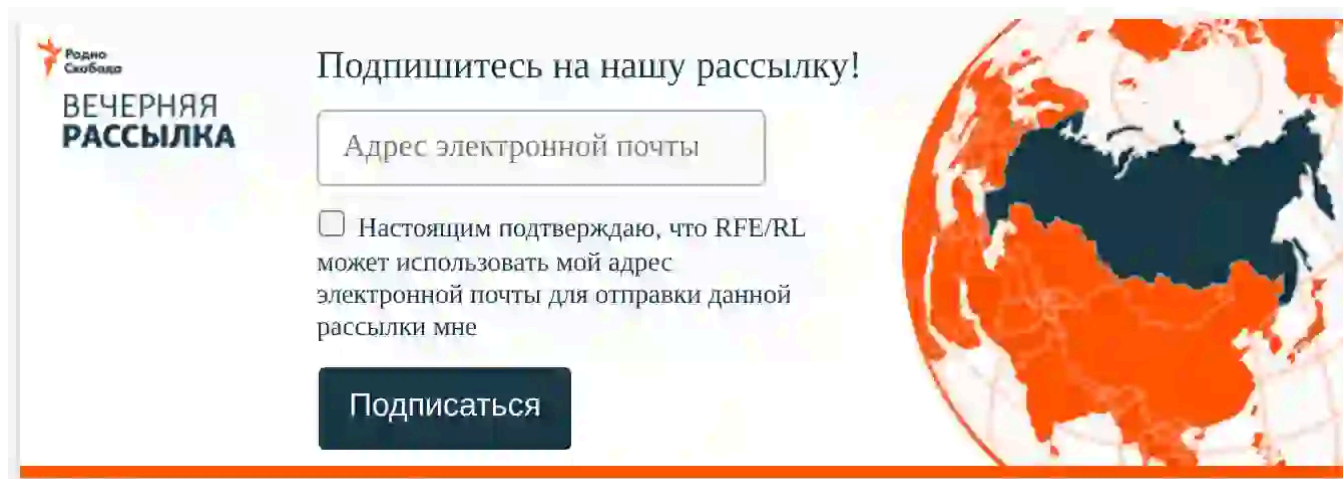
– Могли бы позвать и меня, – говорю им сегодня.

Они переглядываются. Оказывается, в то утро на Катерине под кофтой и шортами был новый раздельный купальник. То и другое в нём – по моде начавшегося лета.

Марина должна была это всё рассмотреть на соседке и прикинуть на себя. Прикинуть, конечно, мысленно, потому что, по сравнению с нею она как балерина.

Сообщив это, Марина интересуется, по-прежнему ли я считаю, что они должны были взять меня с собой.

– Где мои восемьдесят лет! – вздыхаю я.

Катерина, в свою очередь, вспомнила один уместный стишок. Сначала прочитала его Марине на ухо, потом, после её одобрения – мне, уже своим обычным прокуренным голосом.

Раньше были времена,

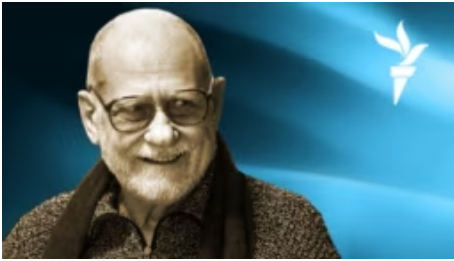
а теперь мгновения.

*Раньше поднимался х*й,*

А теперь давление.

– Воистину так, – признаю я и решаю тут же записать этот стишок. Блокнот оказался под рукой, а что касается карандаша, то – как обычно. Когда он позарез нужен, его нет. Марина сходила к себе и вернулась с огрызком чего-то толстого, как окурок дедовской самокрутки.

Что касается выпивки, то она, по словам Катерины, была бы уместна пару дней назад, у её свояка. Он хоронил то, что осталось от его сына. В армию молодой человек ушёл в первый год войны, где-то через полгода исчез, и только сейчас отыскались по ДНК его останки.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Что умножают знания. Анатолий Стреляный – о национальной спеси

Марине 69 лет, за три последних года она похоронила двоих. Один сын погиб на войне, другой умер от известных передозировок. Катерине за пятьдесят, её сын служит по месту жительства, иногда ночует дома. Говорят, что по работе он сбивает дроны, залетающие со стороны Белгорода. Со всеми он негромко здоровается, но ни с кем не вступает в разговоры. Так здесь ведут себя почти все военные.

“ Марине 69 лет, за три последних года она похоронила двоих. Один сын погиб на войне, другой умер от передозировок

Правда, с одним из соседней пятиэтажки я немного пообщался. Он оказался дома после госпиталя, получив на поправку целый месяц. Как все в Ахтырке, сживает у подъезда. Места на скамейке, по своей худобе, занимает меньше всех. Иногда возле него появляются, чтобы тут же побежать дальше, его три сына. Младшему четыре года, среднему семь, старшему одиннадцать.

Младший иногда задерживается. Отец его понимает: "Отбывает очередь за всех". Из военных, с которыми встречался в последнее время, этого ставлю выше всех. Он не стал придумывать себе какое-то особое ранение – не сразу, но назвал то, что было на самом деле: "Тяжёлый геморрой". Я вспомнил, что от такого же страдал Чехов.

– Знаю, – живо откликнулся он. – Хирург рассказал. Только у Чехова это было от природы, а у меня от жизни. Много чего пришлось потаскать за два года.

– Хороший вам попался хирург, – сказал я. – Любой хороший врач знает болезни всех великих людей, по крайней мере, за последние пару столетий.

Правда, один мой знакомый, не такой уж хороший, но тоже врач, дожил до пенсии с уверенностью, что Чехов был не врачом, а фельдшером. Мне это открылось случайно, за выпивкой, в разговоре о пребывании Чехова в Ахтырке. Было в его короткой жизни и такое, он провёл в ней пару весёлых дней с приятелем-актёром. В гостинице тот играл большого барина, а Чехов – его преданного лакея.

Тут просится что-то литературное – например, о зарослях липы и сирени над нашей скамейкой, о заповедно-роскошном лесе в полутора минутах, о рыбном

озере и не менее рыбной реке в двух шагах, о нашей харчевне для бездомных собак, которой заведует старая сука, от рождения слепая, а по опыту видящая всё лучше зрячих.

Под конец весны Марина засеяла бархатцами грядку под моим окном. Бархатцы – это украинские "чорнобривці". Они уже взошли, уверенно тянутся вверх. Не заставили себя ждать и бурьяны. Она на них – с тяпкой.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Глашатаи и молчуны. Анатолий Стреляный – о любителях предсказаний

– Зачем вы их губите? – балагурю я. – Бурьян же не знает, что он бурьян.

– Мудак тоже не знает, что он мудак, - говорит она.

– Так что, меня тоже пора выполоть?

– Это уж как дрон решит, коль в укрытие не бегаешь.

– Так и вы не бегаете.

– Набегались.

В минувшее воскресенье она взяла залежавшиеся две удочки сына и отправилась с ними на озеро. Не сразу, говорит, нашла когда-то насиженное покойным место, села и стала плакать. Так и просидела с утра до обеда, не взглянув на поплавки.

Когда соседок собирается больше трёх, а среди них есть, как сказано, и моложе шестидесяти, я выступаю перед ними с каким-нибудь поучением.

– Если бы хотя бы одна из вас единожды в своей семейной жизни сотворила уху или куриный бульон по моему рецепту...

“ Это уж как дрон решит, коль в укрытие не бегаешь

Дождавшись вопроса, что же это за чудеса моей кулинарии, раскрываю секрет:

– Бульон, уху ли надо сдабривать смесью всех приправ, какие есть в Ахтырке. Подчёркиваю: смесью. Всех! Кроме, понятно, сладких. Это: "Паприка молотая", "Петрушка ароматная сушеная", "Приправа адыгейская", "Куркума молотая", "Куриная приправа универсальная с привкусом курицы", "Укроп. Зелень сушеная", "Приправа к борщу и солянке", "Смесь пряно-ароматическая к плову", "Итальянская смесь трав", "Лавровый лист цельный", "Приправа по-корейски", "Приправа для грибов", "Чеснок сушеный", "Перец черный", "Приправа азербайджанская", "Хмели-сунели", "Томаты с чесноком и базиликом"... Пропорции – по вдохновению.

Естественно, это была бы не Украина и не Ахтырка, если бы я не услышал, что здесь все приправы только по названиям разные.

Марина, вздохнув и закатив глаза, негромко, с чувством запекает:

Уху я варила,

сваху я кормила.

Сваху я, свеху я,

сваху я кормила.

Песни и крылатые выражения мы можем исполнять и русские, а общаемся все по-украински. Вернее, так: я – по-украински, они – на суржике. Услышав от них, что известное х*йло ещё и нагуляш, не премину напомнить, что "у нас в Украине" обычно говорят не "нагуляш" или "копыл", а "байстрюк", поближе к немецкому Bastard-у. Смеются: "Да ну тебя, надоел. Мы тут все испорченные, такими и доживём". Я всё же добавляю, что при царе Горохе Bastard означало "зачатый в седле", то есть на бегу, без бракосочетания.

Анатолий Стреляный – писатель и публицист, живет в Ахтырке Сумской области

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Читайте Свободу в [Телеграме](#)

Сделайте Свободу приоритетным источником в [Гугл](#)

Установите Мобильное приложение
Радио Свобода

Анатолий Стреляный

Этот контент также в категориях

Право автора

Мнения

Радио Свобода © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.